

Моя автобиография

МОИ РОДИТЕЛИ

Человек еще не родился, а судьба уже ждет его на пороге вновь зарождающейся жизни. Справедливо изречение – «От судьбы своей не уйдешь». Она делит с человеком все тяготы и радости его земной жизни, живет и умирает вместе с ним. У людей топроцентная смертность. Моя судьба распорядилась так, что я родился 1 октября 1927 года далеко от родины моих предков, в городе Ташкенте Узбекской ССР. Как случилось, что я, русский, сын уроженцев Калужской губернии с первых минут рождения оказался среди людей другой национальности и вероисповедания?

Моя мама, Татьяна Николаевна, урожденная Волкова, родилась 25 января 1898 года в селе Тениковка Мосальского уезда, Калужской губернии. Отец, Павел Васильевич Гаврюшкин, родился 12 июня 1900 года в деревне Фурсово Богоявленской волости того же уезда. Их деревни находились недалеко друг от друга, и их брак дьячок зарегистрировал в скромной деревенской церквушке.

Отец работал каменщиком, был задиристого, драчливого характера. В деревне его боялись, за что он получил прозвище «Стёклик». Почему «Стёклик» – неизвестно. Мой дедушка по отцу, Василий, имел странное по тем временам увлечение, уходя на заработки в ближайший районный город, приносил оттуда множество всевозможных вещей и черепков и любовно раскладывал эти «экспонаты» на широкой полке в отведенном месте на одной из стен деревянной избы. А вот тяга к писательству, вероятно, идет по линии мамы, ее племянник Павел работал в одной из районных газет в Подмосковье.

Моя сестра Павлина окончила Московский институт дошкольного воспитания имени В. И. Ленина и, выйдя замуж за инженера одного из столичных НИИ Сапожникова Владимира, осталась на жительство в Москве. Его дядя – Сапожников Федор Васильевич – заместитель министра Энергетики СССР. В Таганроге у сестры, куда она на время родов приезжала в наш город, родился сын Николай. Впоследствии он окончил исторический факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Памятники архитектуры и древняя топография Смоленска», последнее время работал главным археологом в Центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры Российской Федерации. Работая над докторской диссертацией, неожиданно в возрасте 46 лет скоропостижно скончался от инфаркта. На год раньше его мама Павлина Павловна, урожденная Гаврюшкина, попала в автомобильную катастрофу и погибла в 1994 году.

В октябре 1917 года случилась Великая Октябрьская революция, и отца, девятнадцатилетнего паренька, имеющего всего три класса сельской школы, мобилизовали в Красную Армию. Здесь, для полноты картины, привожу его краткий послужной список.

«Сентябрь 1919 года. Рядовой 121-го пехотного полка пехотной дивизии.

Март 1920 года. Рядовой 65 кавалерийского полка 11 кавалерийской дивизии 1-й Конной Армии.

Июль 1921 года. Курсант дивизионной школы в Нижнеднепровске.

Ноябрь 1921 года. Помощник командира взвода 64 кавалерийского полка.

Январь 1927 года. Слушатель повторных Могилевских курсов, затем командир взвода 64-го кавполка, помощник командира 2-го эскадрона.

С 1925 по 1928 год курсант Объединенной Средне-Азиатской школы имени В. И. Ленина в городе Ташкенте, где я и родился 1 октября 1927 года.

После окончания курсов служил помощником командира эскадрона 19-й стрелковой дивизии. В составе 65 кавалерийского полка участвовал в боевых действиях против Деникина, Врангеля, поляков, банд Махно, против басмачества на Туркестанском фронте, против банд Джунгаид-Хана в Хорезме. Имеет два

ранения, в частности 5 июля 1920 года под Дубно.

Приказом РВС СССР № 160 от 16 октября 1923 года за бои у городов Дубно и Острога награжден боевым орденом Красного Знамени – за № 8805. Приказ о награждении подписал член РВС СССР Уншлихт и Главком С. Каменев».

В 1931 году отца демобилизовали и направили на работу в город Таганрог в органы милиции, где он был командиром 7-го таганрогского дивизиона, затем заместителем начальника горотдела милиции. Избирался депутатом горсовета 15-го созыва по 76 избирательному округу.

ВОЙНА

С первых дней Великой Отечественной войны отца призвали в армию, где он воевал в составе 191 кавалерийского полка, 68 дивизии. 17 января 1942 года на имя мамы в город Уральск Западно-Казахстанской области, где мы находились в эвакуации, пришла похоронка:

«Ваш муж, Гаврюшкин Павел Васильевич, старший лейтенант, командирэскадрона в боях за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество был убит 7 декабря 1941 года в Ростовской области хутор Демидовка, похоронен в Ростовской области, хутор Щепкино.»

В конце извещения стоят соответствующие печати и подпись. Прошли десятилетия, а эти несколько печальных строк из «похоронок» всегда вызывают у миллионов советских людей слезы скорби.

В 1941 году вся наша семья в составе мамы, сестры Павлины 1926 года рождения и меня эвакуировалась в город Уральск Западно-Казахстанской области. Отчетливо запомнил, как на станции Лихая, где была пересадка, на ж. д. платформе собралась огромная толпа отъезжающих. Ждали долго, и когда, наконец, подошел наш поезд, люди, подхватив свои объемные узлы и чемоданы, не соблюдая никаких мер приличия, ринулись на abordаж вагонов. Отчетливо запомнил высокого старика – еврея с двумя огромными чемоданами в руках, пытавшегося не отставать от других, который вдруг упал и так и остался лежать неподвижным. Уже в вагоне все узнали, что у старика не выдержало сердце, и он скончался на месте.

Что же творилось в это время в вагонах поезда? Втиснув свои узлы и чемоданы, люди с трудом возвращались на перрон за оставшимися, и когда, наконец, посадка закончилась и поезд плавно отошел от перрона, оказалось, что проходы всех вагонов, почти на высоту человеческого роста, забиты чемоданами, узлами и другими вещами. Уже в пути стали опознавать и не спеша разбирать свои вещи. Далее от Сталинграда по реке две спаренные баржи тянули нас до Камышина, а оттуда уже по ж. д. до города Уральска Западно-Казахстанской области, конечного пункта нашего пути.

От вокзала до будущего места нашего проживания (Улица Димитрова, 62) нас на санях, важно ступая и с гордо поднятой головой, доставил верблюд. Других средств передвижения в городе не было. Численность этого небольшого городка, стоявшего на излучине реки Урал, не превышала пятидесяти тысяч человек, а температура воздуха в зимние месяцы достигала минус 40 градусов.

Хозяйкой дома оказалась приветливая молодая женщина с фамилией, если не ошибаюсь, Погорелова, муж которой находился на фронте, и двух ее детей, обе девочки, младшую звали Нюсей. Сначала я учился в школе, затем, когда немцы подошли к Сталинграду, все школы закрыли, а нас, мальчиков и девочек, использовали на бескрайних казахских степях, на прополке сорняков и на лесозаготовках, где в нашу обязанность как мальчиков, так и девочек, входила обрубка ветвей поваленных деревьев, их распиловка и доставка волоком к берегу реки Урал, откуда их уже сплавляли до места назначения.

Помню одну девочку с усохшей от рождения маленькой ручкой, всегда стыдливо рикрывающей ее накинутой на плечи кофточкой. Как-то ветер приоткрыл ее, и она, заметив, что я увидел ее искаленную руку, ужасно смутилась и покраснела. Бедняжка. Все работали на Победу.

После закрытия всех общеобразовательных школ, когда немцы подошли к Сталинграду, меня определили на эвакуированный из Ленинграда военный завод номер 231, специализировавшийся на изготовлении морских мин и торпед. Работали по 12 часов в сутки с двумя выходными в месяц. В ту пору мне исполнилось 15 лет. Электросваркой я заваривал свищи в чугунных отливках, цех был полуосвещен и наполнен испарениями от груды горячей формовочной земли без всякой вытяжной вентиляции. В обед всех рабочих бесплатно кормили «от пуза» какой-нибудь кашей, чаще всего пшенной, обильно сдобренной маслом.

Затем меня перевели в другой цех, который находился в Затоне, в нескольких километрах от города, на берегу реки Урал. Здесь я получил 3-й разряд слесаря по ремонту станочного оборудования, и этим чрезвычайно гордился. Меня прикрепили к одному молодому рабочему, сильно прихрамывающему на одну ногу. Спокойно и терпеливо он обучал меня своему ремеслу. Имя его я не запомнил, ведь с того времени прошло шестьдесят лет.

Затон находился от города на расстоянии нескольких километров, и мне изо дня в день приходилось из дома и обратно пешком преодолевать это расстояние по совершенно безлюдной степи, по пути распугивая многочисленных сусликов и еще каких-то маленьких пушистых зверьков.

Наша семья жила на зарплату мамы, которая работала в цехе индпошива по производству полушубков для фронта. Сестра Павлина продолжала посещать музыкальную школу.

Как только появилось сообщение Советского информбюро, мы немедленно стали собираться в дорогу. Домой добирались в товарных вагонах – «теплушках» и особенно большие неудобства испытывали из-за отсутствия туалетов, ведь в одном вагоне, прямо на деревянном полу присыпанном соломой, вповалку лежали и взрослые, и дети, мужчины и женщины. Выбегая из вагонов на остановках, тут же «делали свое дело». Как-то утром я проснулся от крика, когда одна женщина громко возмущалась, что ночью ее кастрюльку кто-то использовал вместо унитаза. В пути голодали, и в Таганрог я приехал с опухшими ногами.

Наша квартира по переулку Антона Глушко, 27, где мы раньше жили, была занята семьей военного, и мы временно поселились в дворовом флигеле соседнего домовладения под номером 29. Нас приютила Мария Логиновна Попова, чья дочь Нина была угнана немцами в Германию, а сын Виталий был моим другом еще в довоенное время. Впоследствии моя мама у Евдокии Косаревой купила квартиру в доме на улице Фрунзе, 28, где я и прожил всю свою оставшуюся жизнь, не считая тех нескольких лет, когда по окончании техникума «отрабатывал» положенный срок в других городах, но об этом позже.

Здесь я хочу рассказать об одном удивительном и правдоподобном случае, когда во время эвакуации наша семья проживала в городе Уральске. Как-то зимним поздним вечером мы с сестрой Павлиной вышли во двор, где на безоблачном небе полная луна своим ярким светом заливала всю окрестность. Туалет находился в правом дальнем углу двора, слева по пути стояла летняя кухня, в которой зимой никто не жил, и она была заперта. Когда мы проходили мимо нее на расстоянии нескольких шагов, вдруг неожиданно послышался еле слышимый короткий стук, и в окне кухни на мгновение промелькнуло плохо различимое бледное лицо. Нас это чрезвычайно напугало: мы переглянулись, но промолчали, сделав вид, что ничего не произошло, ведь если бы мы своим видом показали, что что-то слышали и видели, мы бросились бы бежать. Только зайдя в дом, мы признались, что в окне видели бледное лицо своего отца.

Только сейчас, по прошествии многих десятилетий, проанализировав этот удивительный случай, однозначно пришел к выводу, что он был вещим и вполне вероятно, что именно в этот день, в этот час и даже мгновение, падая от разрыва вражеского снаряда или немецкой пули, отец вспомнил о нас. Я в этом глубоко убежден. Напоминаю, что согласно официальному письму сообщению «похоронки» отец был убит зимой 7 декабря 1941 года. Прошел всю Гражданскую войну, а тут, вероятно, погиб в первом же бою.

МОЯ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

По желанию мамы, по возвращении в Таганрог из эвакуации, я поступил в Строительный техникум, который закончил в 1947 году по специальности «Электрооборудование промышленных предприятий», и по распределению был направлен в распоряжение монтажного треста «Кавэлектромонтаж». Вся моя дальнейшая жизнь в течение последующих нескольких лет была связана с разъездами, далеко от родительского дома. Я побывал в городе Новороссийске, где работал на восстановлении цементных заводов «Октябрь» и «Пролетарий». Здесь же встретил постановление Правительства об отмене карточной системы и видел, какие столпотворения и какие массы народа в эти первые дни штурмовали хлебные магазины. Побывал на Малой земле, любовался Колдун-горой, испытал силу Новороссийских ветров – «Бора».

В 1948 году был откомандирован в город Новочеркасск, где в должности заведующего мастерской проработал шесть месяцев, а затем был направлен в Кисловодск, где в, основном, работы велись по электрооборудованию санаториев. Хорошее воспоминание оставил о себе начальник участка по фамилии Миленький. Он был общительным, небольшого роста и по своему характеру оправдывал свою фамилию. Затем работа в той же системе «Кавэлектромонтаж», но в городе Сочи, где начальником участка был интеллигентный, с красивой и благородной внешностью еврей Грушевский.

Был тогда я молод, посещал танцевальные вечера и даже в одном из клубов в районе Театральной площади организовал танцы, где источником танцевальной музыки был собранный мною усилитель со смехотворной мощностью всего 3 ватта. Когда танец еще только начинался, этой небольшой мощности еще хватало, когда же в танец вступали все новые и новые пары, танцевали уже под звуки шарканья подошв своих же туфель и ботинок. И ничего, никто не жаловался, и все были довольны. А на одном из новогодних вечеров в городском театре с молоденькой артисткой из Ростовской оперетты за исполнение вальса мы заняли первое место и получили приз – бутылку шампанского. Как сейчас, помню этот большой округлый зал с белоснежными колоннами.

Проживал на маленькой, узкой улочке, кажется, под названием Пионерская, той, где в самом ее начале находится дом-музей писателя Николая Островского. Тут же, недалеко от этого места, однажды присутствовал при съемке одного эпизода из кинофильма «Семеро смелых».

Затем все лето проработал на озере Рица, где поперек реки Рица стояло длинное, окрашенное в синий цвет здание гостиницы, в котором наряду со строительными работами велись работы по ее электрооборудованию. На левом берегу озера, если смотреть со стороны гостиницы, виднелся охотничий домик; на противоположной стороне озера, против здания гостиницы, дача Сталина. Сейчас не помню, было ли там электричество, или просто оно было нарушено, но на тот момент его там не было. И вдруг сообщение – «Сталин едет!». Что тут только началось! Мгновенно в озеро стали сваливать строительной мусор, полетели бочки из-под краски, другие отходы. Все скребли, мыли, вычищали, а тут вдруг вспомнили – электричества на даче нет; и нашли-таки самый простой способ, как выйти из этого щекотливого положения. От подстанции, которая находилась в непосредственной близости от здания гостиницы, провода за какие-то два дня уложили на изоляторы, укрепленные на стволах деревьев, растущих на склоне горы. Здесь вспугнули убегающую от нас дикую козу.

На даче нас встретил молоденький младший лейтенантик. Домик был небольшим одноэтажным деревянным. Видел там змею около метра длиной с желтоватым оттенком, правда, мертвой. Сталин так и не появился, но как-то однажды в сторону его дачи проследовал лимузин, где, как говорили, ехал или сам Буденный, или Ворошилов, сейчас этого не помню.

Последней моей работой в системе «Кавэлектромонтаж» был Садонский участок, управление которого находилось в городе Дзауджикау (Орджоникидзе) Северо-Осетинской АССР. Чтобы добраться до нового места работы, пришлось на автомашине проехать Алагир,

затем по узкому ущелью вдоль реки Ардон, мимо селений Мизур, Садон, Нижний Згит. Автомобильная дорога все время петляла по пробитой в склонах горы дороге без всяких ограждений, хотя справа по пути следования имелись глубокие пропасти, где не раз видел разбитые, искалеченные машины. В районе проезжаемых селений попадались старинные высокие каменные сторожевые башни, в сечении прямоугольные.

Поселок Бурон, конечный пункт нашего пути, имел всего несколько деревянных строений, находился совсем недалеко от входа в Цейсковское ущелье, где там, как говорили, находится «Сванетия – страна чудес».

Пробыл я там совсем недолго, с мая 1951 года по февраль 1952 года. Работа здесь велась, в основном, по прокладке шестикиловольтных линий электропередач. Именно здесь закончился мой положенный срок по отработке после окончания техникума, и я вернулся в Таганрог, где поступил на предприятие почтовый ящик номер 59, впоследствии завод имени Сталина. Отсюда, проработав 35 лет в отделе главного энергетика, будучи начальником бюро плано-предупредительного ремонта энергетического оборудования, ушел на пенсию.

Был активным рационализатором, с отличием окончил заочный Ростовский институт патентоведения. Постановлением Президиума Центрального Совета Общества изобретателей и рационализаторов 18 сентября 1965 года за активную изобретательскую и рационализаторскую работу и внесение личного вклада в совершенствование производства был награжден Почетной грамотой. Неоднократно руководителями завода награждался грамотами за активное участие в работе заводского Совета ВОИР, достижение высоких показателей, за активное участие в работе научно-технического творчества, за умелое сочетание работы с учебой в Ростовском институте патентоведения, который закончил с отличием.

Избирался народным заседателем суда 3-го участка. Кроме того, еще в 1957 году Ростовским учебным центром Всесоюзного ордена Красного Знамени добровольного Общества содействия Армии, Aviации и Флоту за отличные показатели в военной подготовке был награжден грамотой. Имею медаль «Ветеран труда».

Являлся членом заводской квалификационной комиссии по присвоению разрядов, и в течение многих лет занимался с молодыми рабочими по освоению ими профессии машинистов мостовых электрокранов, подготовив 1080 человек.

На своем примере показал, как теперь всех нас, отдавших заводу всю свою сознательную жизнь, повесив на воротах большой амбарный замок, на территорию завода приказали «Не пущать», акции обесценили, дивиденды забрали и, построив православную церковь, заявили: «Молитесь на нас».

Имею троих детей – Игоря (живет в Харькове), Веру и Владимира.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Окончен многолетний и трудоемкий процесс по написанию моих шести книг по истории города Таганрога: «Гуляет старый Таганрог», «Отблески золотых куполов», «Вдоль по Питерской», «Мари Вальяно и другие», «По старой Греческой» и «Из прошлого старого Таганрога». Появлению каждой новой книги предшествовала увлекательная и длительная работа, которую условно можно разделить на четыре временных отрезка: поиск и тематический подбор материала, черновые наброски текстовой части, работа на пишущей машинке и, наконец, издание книг. Много времени также занимал подбор иллюстраций, их обработка, репродуцирование и фотографирование объектов.

Какими же первоисточниками пользовался автор, чтобы собрать столь обширный и богатейший материал? Только ли теми, которые находятся в нашем городе и Ростове на Дону, которыми я воспользовался не в полной мере, о чем сейчас глубоко сожалею. Путем почтовой переписки, еще в Советское время, активно работал с сотрудниками библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, которые по почте пересылали мне многочисленные микрофильмы. Тогда все это стоило копейки. А вот с сотрудниками Государственной библиотеки им. Ленина в Москве в течение более десяти лет имел личный

контакт. Помогло мне то, что моя сестра Павлина проживала в Москве в районе станции метро «Новогиреево».

Каждое утро, изо дня в день, с двумя-тремя шоколадными конфетами в кармане, что составляло мой дневной пищевой рацион, со станции метро «Новогиреево» через всю Москву добирался до станции «Речной вокзал» и, уже на автобусе, кажется, номер 373, добирался до подмосковного города Химки, где на Библиотечной улице располагался филиал газетного отдела Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Меня там уже хорошо знали и даже однажды общими усилиями прилаживали отскочившую дужку моих очков. Как-то я попытался этим милым женщинам преподнести коробку дорогих шоколадных конфет и был посрамлен и сконфужен отказом, услышав в ответ: «Мы здесь исполняем обычную работу и получаем за это зарплату».

Здесь я просмотрел все имеющиеся в наличии подшивки издававшихся в дореволюционном Таганроге газет за период 1865–1918 годы, что по объему составило несколько исписанных общих тетрадей по 96 страниц каждая. Уже вернувшись в Таганрог, эти черновые записи привел в порядок и отпечатал на пишущей машинке «UNIS» (Югославия), на которой я всегда работал, сброшюровал их, что составило несколько объемных книг.

С доброжелательным участием заведующей таганрогским отделением таганрогского отделения ЗАГСа Надежды Александровны Шпачук просмотрел много метрических книг, делая соответствующие записи из сохранившихся метрических книг дореволюционного Таганрога, которые на протяжении многих лет вели церковнослужители, истематизировал их и также, предварительно отпечатав на пишущей машинке, сброшюровал в книги, что составило более одной тысячи страниц.

Много времени провел в таганрогском городском архиве, где в отборе материалов мне помогала заведующая архивом Людмила Евдокимовна Омельянюк. Богатый материал собрал в Таганрогском государственном литературном и историко-архитектурном музее-заповеднике, где заведующей отделом была Светлана Петровна Тартанова. Здесь же в подборе материала мне оказывали помощь Лидия Михайловна Топтунова, Лада Ивановна Сергеева и Елена Григорьевна Покатилова.

Очень помогла мне семья Орешко: Раиса Константиновна, на руках которой скончался Павел Петрович Филевский, и двое ее дочерей Ольга и Вера Федоровны, предоставившие в мое распоряжение «Дневник» и «Записки», в течение всей своей жизни писавшиеся П. П. Филевским. По своему объему это составляет 920 страниц убористого текста.

Охотно делились своими воспоминаниями мои друзья, знакомые, случайные люди. Всем им выношу глубокую благодарность.

Как таковая, общая история меня никогда не интересовала, а вот старинные таганрогские улочки, с пожелтевшими от времени стенами домов, покосившимися и полуразрушенными заборами и вычурными каменными стойками ворот, почти исчезнувшими каменными рекламными тумбами, остатками булыжной мостовой и прочими атрибутами далекой старины, включая и довоенный период, еще с детства никогда не оставляли меня равнодушным. Люблю после захода солнца с наступлением сумерек бродить по притихшим улочкам и переулкам, останавливаться у каждого старинного здания, и, глядя на их окна, в которых зажигаются огни и начинают неслышно двигаться таинственные тени, пытаюсь воссоздать события за этими толстыми стенами, которые проходили здесь в разные периоды жизни и судьбы тех, которые здесь проживали. Сколько окон, столько и человеческих судеб.

С редакцией газеты «Таганрогская правда» стал работать с начала 1990-х годов, опубликовав на страницах этой газеты около ста очерков. Сотрудничал также с газетами «Таганрогский вестник», «Город», «Эхо недели», «Городская площадь», «Православный Таганрог». В январе 1996 года при редакции газеты «Таганрогская правда» стал одним из

лауреатов (вторая премия) имени писателя И. Д. Василенко. Имею также наградные грамоты, свидетельства, дипломы от городской администрации и области.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Затраты на издание книг за последние пять лет увеличились в десять раз. Если в 1997 году стоимость издания одного экземпляра книги «Гуляет старый Таганрог» обошлась в десять рублей, то в 2001 году книгу «Мари Вальяно и другие» оценили уже в 80 рублей, а последующую «По старой Греческой» аж в 100 рублей. Кошмар. И это еще не предел, ведь существуют еще торговые надбавки на продажу, доходящие до 30 процентов.

Как удалось при таких драконовских ценах издать несколько моих книг? В издании первой книги «Гуляет старый Таганрог» активное участие принимал директор пивоваренного завода Николай Николаевич Зубков, который полностью финансировал издание, и при тираже в 3000 экземпляров большая его часть тиража была передана им в распоряжение городской администрации. Имя Николая Николаевича Зубкова должно быть вписано в Золотую книгу истории нашего города. Первым издателем моей первой книги «Гуляет старый Таганрог» стал директор Международного института повышения квалификации китайской медицины Михаил Юрьевич Руденко. Он ознакомил меня с азами издательского дела в дальнейшем всегда оказывал всевозможную помощь как советами, так и делами.

Издание последующих книг других наименований осуществлялось уже за счет личных сбережений автора, также от продажи уже изданных книг, за счет продажи «ненужных» личных вещей, за счет собственного желудка и взноса в десять тысяч рублей от одного спонсора, который пожелал остаться неизвестным. Денег все равно не хватало, и за помощью, скрипя сердцем, пришлось обратиться к спонсорам – крезам, с которыми лично знаком не был и разговоры вел через посредников. Пустые хлопоты. Отказали также два крупных коммерческих банка, куда я уже обратился лично: «Русславбанк» и «Российский кредит».

Количество написанных мною книг увеличивалось, а времени на их издание становилось все меньше и меньше. Оставалась последняя надежда – помощь городской администрации, но... увы! Сначала я обратился к господину Шило С.И., когда свою просьбу изложил в короткой записке, и которую вложил в одну из подаренных ему книг.

«Сергей Иванович! Это третья книга из шести написанных мною. Три последующие: «Мари Вальяно и другие», «По старой Греческой»; и «По страницам таганрогских газет» также закончены и ждут своей очереди быть изданными. Все они, как мне думается, крайне необходимы не только городу, но и школам.

Денег на их издание у автора, естественно, нет, нет их и у администрации города. Где же выход? В городе много состоятельных людей, среди которых и те, которые положительно относятся к истории Таганрога. Вы знакомы со всеми из них и у Вас есть возможность поговорить с ними. Мне кажется, что многие из них заинтересуются и будут рады помочь автору, городу и себе в пользу.

12 сентября 2000 года во дворце Алфераки вы сказали: «Вступая в 21 век, Таганрог должен взять все лучшее из истории города». Думаю, что мои книги в этом помогут.

Октябрь 2000 года».

Как и следовало ожидать, ответа не последовало. Уже значительно позднее, отдельными письмами, но с одним и тем же текстом отправил их как главе администрации города Н. Д. Федянину, так и председателю городской думы Ю. В. Стефанову. Результат оказался тот же – ответа не последовало. Вот текст этого письма-просьбы.

«Не каждый город может похвастаться, что его история достаточно полно отражена в литературных трудах. Это относится и к нашему городу – имеется лишь одна книга нашего замечательного историка Павла Петровича Филевского, изданная в 1898 году под названием «История города Таганрога».

Содержит 380 страниц и ни одной фотографии. В течение многих лет я скрупулезно собирал сведения о прошлом нашего города в библиотеках и архивах городов Ленинграда, Москвы, Ростова, Таганрога и даже Киева, на основании которых написал шесть книг:

«Гуляет старый Таганрог» – 398 страниц;

«Отблески золотых куполов» – 282 страницы;

«Вдоль по Питерской» – 436 страниц;

«Мари Вальяно и другие» – 544 страницы;

«По старой Греческой» – 544 страницы;

«Из прошлого старого Таганрога» – 400 страниц (условно).

Все книги богато иллюстрированы photographиями, число которых превышает 500 единиц.

Из трех изданных книг (на тот период) лишь «Гуляет старый Таганрог» финансировалась директором пивоваренного завода Н. Н. Зубковым. Честь ему и хвала! Как удалось издать еще две книги, не буду писать, но нахожусь в удручающем материальном положении, и средств на издание оставшихся книг у меня, естественно, нет.

Учитывая изложенное, убедительно прошу, к чему присоединяются многочисленные жители города, изыскать возможность и оказать посильную денежную помощь в издании оставшихся неизданными двух моих книг, ведь издание одной книги при тираже в 1000 экземпляров обходится уже в 100 тысяч рублей. Буду рад любой сумме, и ваши имена будут достойно оценены потомками.

Мне 74 года, и времени на издание оставшихся двух моих книг остается все меньше и меньше.

С уважением, О. Гаврюшкин.

20 декабря 2001 года».

Ответов не дождался, а надежда была, ведь что значат какие-то 10–20 тысяч рублей в многомиллионном годовом бюджете города? Урезать каждую из многочисленных и многотысячных статей всего лишь на сотню-другую – и вопрос был бы решен. И как назвать действия облаченных властью людей, не удостоивавших даже ответами запросы своих избирателей и сограждан? И разве нет в городском бюджете статьи «Культура»?

Приехали, дожились, нас уже за людей не считают, мы уже не те, которыми были перед выборами – «дорогими избирателями»... Ведь они уже на вершине Эвереста, а мы теперь на дне Мариинской впадины. Ответить на вопрос и запрос – долг каждого порядочного чиновника, тем более народного избранника. И второе. Не поспешили-ли народные избранники без нашего мнения с переименованием улицы Кузнечной в улицу Шило? Хотя бы уже потому, что убийца мэра еще не найден и неизвестно за что убили его.

В недалеком будущем наши дети будут задавать нам резонный вопрос: почему улицу назвали Шилом, а не Отверткой. И кощунственно ли вообще менять исторические названия наших улиц и переулков, получивших их в далеком историческом прошлом? Разве в городе мало новостроек и объектов, которые будут нуждаться в названиях? Если не ошибаюсь, лишь один человек, депутат Матусевич голосовал против этого необдуманного решения.

В Москве есть улица Кузнецкий мост. Не думаю, что москвичи когда-либо согласятся расстаться с этим историческим и благозвучным названием.

ВИРТУАЛЬНОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

В очеловеченного Бога я никогда не верил, как и то, почему я должен поклоняться Иисусу Христу, хотя меня в этом не раз пытались убедить многочисленные добровольцы-проповедники, а вот тема возникновения Вселенной и жизни на Земле всегда меня чрезвычайно интересовала, и думаю, что она никогда не будет разгадана. В то же время в потусторонние силы и параллельные миры верю безоговорочно и то лишь потому, что не раз этому был сам свидетелем, взять хотя бы удивительный случай в городе Уральске, где наша семья была в эвакуации во время войны. Вот еще несколько примеров.

За месяц, два до начала Великой Отечественной войны без всяких видимых на то причин многие мальчишки соседних дворов, в том числе и я, вдруг неожиданно, время от времени, начинали лаять по-собачьи, переходя затем на подвывание. Моя мама говорила, что это не к добру и быть беде, и как в воду глядела: мирной, беззаботной жизни оставались считанные дни – началась война, унесшая миллионы человеческих жизней.

Другой примечательный и загадочный случай произошел в октябре 1992 года, когда я по приглашению проповедника таганрогской общины евангельских христиан-баптистов Петра Филимоновича Молчанова, вместе с другими членами этой Общины, посетил Москву. Для этого к одному из поездов дальнего следования был дополнительно прицеплен специальный вагон. В этой группе верующих я присутствовал как простой турист. Цель поездки – общение с Билли Грэмом – христианским проповедником, которое состоялось на стадионе «Олимпийский» 28 октября 1992 года.

Преамбула же заключалась в том, что за несколько дней до отъезда, сидя у себя дома на диване, сопя носом, с интересом читал какую-то интересную книгу. Спустя некоторое время заметил, что свистящий звук я уже больше не произвожу, а он как бы витает в воздухе примерно в метре, двух от меня, что меня чрезвычайно заинтересовало и в то же время очень удивило. Я даже зажал пальцами нос, чтобы не дышать – бесполезно, тихое посвистывание в виде каких-то жалобных вздохов продолжало витать в воздухе, затем постепенно стало удаляться от меня. С этим я уже никак не мог примириться, и все мое существо протестовало оттого, что это возможно. Страх не было, но чувство того, что в комнате кто-то есть и наблюдает за мной, не покидало меня все это время. В течение получаса «оно» достигло угла комнаты и там обосновалось, время от времени давая о себе знать своими жалобными вздохами.

Чтобы исключить возможность галлюцинаций, решил в этом убедиться и, перед тем как лечь спать, достал микрофон, подключил его к магнитофону, поставил бобину емкостью в 500 метров и затем, при самой малой скорости, улегся спать. Проснувшись утром, прокрутил магнитофонную ленту, и что же? Услышал те же таинственные звуки, правда, уже значительно ослабленные.

На следующий день уехал в Москву для встречи с проповедником и по возвращении домой никаких таинственных звуков не услышал, и они более меня не беспокоили.

К существованию же домовых я тем более всегда относился скептически, уж слишком невероятным и противоречивым это выглядело, однако один таинственный случай опроверг мое устоявшееся мнение.

Старинному дому, в котором я прожил более 60 лет, в 2000 году исполнилось 125 лет. За это время мне досаждали не только крысы, но и летучие мыши, проникающие ночью в дом через трещину в стене.

Крыс я травил, ставил на них капканы, заделывал крысиные норы, стучал о пол молотком, у места их возни ставил включенную электрическую дрель – бесполезно, их это нисколько не пугало. Пришел к выводу, что этих умных тварей может напугать лишь то, что доселе им было неизвестно и внушает недоверие. Такое средство я все-таки нашел, что позволило мне избавиться от их присутствия. В местах, где начиналась крысиная возня, прямо на полу устанавливал электронные часы «Кварц» производства завода «Прибой», издававших при своем ходе непривычные для них звуки – хлюп, хлюп, напоминающих живое, дотоле им неизвестное существо. Средство оказалось верным.

Прошло довольно много лет и вдруг, когда я работал сидя за столом, в одном месте под полом раздался характерный трескучий звук, обычно издаваемый крысами. Применил испытанный способ - часы, грызня прекратилась, но тут же возникла в другом месте. И так несколько раз, и всегда я переносил часы на другое место. Тут я обратил внимание, что за те короткие промежутки времени, между которыми слышались посторонние звуки, крыса, если это была она, не могла преодолеть это расстояние. И тут я догадался, что со мной заигрывает Барабашка, и перестал обращать внимание на посторонние звуки, хотя они продолжали

раздаваться в разных местах. Домовому, если это был он, явно не понравилось, что я перестал обращать внимание на издаваемые им звуки.

В это время я сидел за столом, боком к стене, как вдруг из глубины толстой, кирпичной, монолитной стены, где крыса никак не могла оказаться, на уровне моего уха неожиданно раздался тот же призывный звук. Тут я окончательно убедился, что со мной заигрывает мой добрый Барабашка, и громко рассмеялся, что ему явно не понравилось, он обиделся и прекратил со мной заигрывать.

Вот что я вычитал о домовых в книге И. Панкеева «От крестин и до поминок» объемом в 250 страниц. Издание «Яуза». Москва. 1997 год.

«О происхождении домовых рассказывают следующую легенду. Когда Господь Бог при сотворении мира сбросил на землю всю непокорную и злую небесную силу, которая возгордилась и подняла мятеж против своего Создателя, на людские жилища тоже попали нечистые духи. При этом известно, отобразились ли сюда те, которые были подобнее прочих, или уж так случилось, что, приселившись поближе к людям, они обжились и обмякли, но только эти духи не сделались злыми врагами, как водяные, леише и прочие черти, а как бы переродились, превратились в доброхотов и при этом даже оказались с привычками людей веселого и шутливого нрава». И в другом месте: «Верно и вполне доказано только одно, что можно слышать голос домового (ив этом согласны все поголовно), слышать его тихий плач и глухие сдерживаемые стоны, его мягкий и ласковый, а иногда и отрывисто-краткий и глухой голос в виде мимоходных ответов, когда умелые и догадливые хозяева успевают окликнуть и сумеют спросить его при подходящих случаях.

Впрочем, все, кто поумней и поопасливей, не пытаются ни видеть этих духов, ни говорить с ними, потому что, если это и удастся, добра не будет: можно даже опасно захворать.

Впрочем, домовый, по доброму своему расположению, имеет забавную привычку наваливаться во сне на грудь и давить. Только таким избранным и особенно излюбленным удалось узнать, что он мохнатый, оброс мягкой шерстью, что ею покрыты даже ладони рук его».

Моя мама, когда была еще жива, уверяла нас, что однажды ночью вдруг на нее навалился кто-то мохнатый (именно это слово она употребила) и стал душить ее. Конечно, мы тогда ей не поверили.

Существует также старая примета – если к вам в гости из другого города приезжают родные или друзья и, погостив, уезжают, то проводив их на вокзал и вернувшись домой, ни в коем случае нельзя заниматься уборкой помещения. Многие годы я свято соблюдал эту заповедь, а тут вдруг, в одно из последних посещений сестры Павлины я нарушил эту старую примету. Проводив гостей на вокзал, и вернувшись домой, какая-то непреодолимая сила, хотя я долго противился этому, против моей воли заставила меня заняться уборкой помещения. При этом я все время утешал себя, что сестра каждый год приезжает ко мне в гости из Москвы и что ей может помешать приехать и на следующий год. Больше живой я ее не видел: на Измайловском проспекте она попала под машину и через некоторое время скончалась в больнице. Все, что я здесь написал, никак не должно признать простым совпадением.

После нескольких десятков лет безотказной работы мои настольные электронные часы, собранные мною на микросхеме и лампах ИВ– 12, вдруг неожиданно стали «спешить», причем ровно в два раза. Все эти годы точность часов была безукоризненной. Стояли они на пианино в одном из углов комнаты и в ночное время не только показывали время, но и служили ночником. Как часами, пользоваться ими мне уже не представлялось возможным, и их пришлось отключить. Прошло два, три дня, и отсутствие светящегося циферблата часов на их привычном месте наводило уныние. Решил их опять подключить к электросети и пользоваться ими уже только как ночником, не обращая внимания на показание времени. И что же, часы неожиданно стали показывать точное время.

После долгих раздумий пришел к единственно правильному выводу – часы отказывались показывать точное время из-за усталости элементов схемы. Несколько дней отдыха – и они вновь стали исправно показывать точное время.

И в заключение две молитвы, первая из которых написана собственноручно Павлом Петровичем Филевским.

«Упование моё, Отец, прибежище моё, Сын, покров мой, Дух Святой – Троица Святая, помоги мне, Господи, в моих науках, во всех моих делах и начинаниях, да в здравии и радости непрестанно пою Тебе. Упование моё, Отец, прибежище моё, Сын, Покров мой, Дух Святой, слава Тебе!»

Вторая молитва преподобных Отцов и старцев Оптинских преподнесла мне одна из многочисленных моих поклонниц.

«Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что дает мне сей день. Господи, дай мне вполне предаться воле Твоей.

Господи, на всякий час этого дня во всем наставь и поддержи меня.

Господи, открой мне волю Твою для меня и окружающих, какие бы я ни получил известия в течение дня, дай мне принять их с покойной душой и твёрдым убеждением, что на всё святая воля Твоя.

Господи, Великий, Милосердный, во всех моих делах и словах руководи меня мыслями и чувствами во всех непредвиденных обстоятельствах. Не дай мне забыть, что всё ниспослано Тобой.

Господи, дай мне разумно действовать с каждым из близких моих, никогоне огорчая и никого не слушая.

Господи, дай мне силу перенести утомление сего дня и все события в течение его.

Руководи моей волею и научи молиться и любить всех нелицемерно.

Аминь».

В очеловеченного Бога я не верю, для меня БОГ – это таинственный и далекий КОСМОС с мириадами мерцающих звезд.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Этой последней книгой из шести заканчивается мой многолетний труд на тему из прошлого старого Таганрога. Надеюсь, что многим они доставили удовольствие и позволили мысленно оказаться в гуще событий тех далеких лет.

Но ИСТОРИЯ безгранична, она не имеет ни начала, ни конца, не стоит на месте и требует продолжения.

Что нам, например, известно о временах сталинских репрессий в нашем городе? Ведь долгие годы эта тема была под строжайшим запретом.

Чрезвычайно мало мы знаем и о событиях в период пребывания немецких захватчиков в нашем городе в годы Великой Отечественной войны. И здесь нам могут помочь не только рассекреченные документы тех далеких уже годов, но и живые свидетельства тех людей, которые испытали на себе ужасы фашистской оккупации.

И таких тем еще довольно много.

*Автор
2003 год.*